

За окном хлынул ливень, шумными потоками умывая притихший мир. Вспышки фиолетовых молний яростно полосовали небосвод. Гром грохотал так, что редкие прохожие содрогались всем телом, а их сердца испуганно и часто бились.

Но до уединенной кабины, где сидел А-Эр, буйство стихии не долетало. Звукоизоляция в вип-ложе бара оказалась безупречной. В воздухе плыл тонкий, слегка одурманивающий аромат, от которого приятно кружилась голова. Полумрак скрадывал очертания комнаты, превращая силуэт сидящего напротив мужчины в зыбкий призрак.

— Не желаете чего-нибудь перекусить, Учитель? — мужчина протянул ему кожаное меню черного цвета. — Если захочется чего-то особенного, я могу приказать поварам приготовить это лично для вас.

— Кроме того, вот вино «Икарос» моего собственного изготовления. Не уверен, придется ли оно вам по вкусу. Вы, должно быть, далеки от подобных дел и не знаете, но «Икарос» — это алкоголь, который поставляет на рынок Организация. На самом деле его делаю я своими руками. Рецепт я воссоздал по вашим же словам, пытаюсь повторить тот напиток, что вам так нравился. К сожалению, сам я его никогда не пробовал. Эффект вернуть удалось, но вот вкус... Не знаю, угадал ли я.

Он мягко, почти застенчиво улыбнулся. Сняв сургучную печать с бутылки, он наполнил стакан А-Эра, на дне которого сиротливо позвякивали кубики льда. В неверном полумраке розовая жидкость отливала опасным, завораживающим глянцем, напоминая сок запретного плода, выжатый заботливой рукой искусителя из Эдемского сада.

Чрезмерное радушие хозяина не усыпило бдительность А-Эра. Напротив, он нахмурился, и в его душе лишь окрепли подозрения.

— Почему ты зовешь меня Учителем? Если не считать нашей последней встречи...

А-Эр невольно вспомнил то неловкое признание в любви. Тогда он принял этого человека за случайного прохожего, серого обывателя, и теперь с трудом мог воскресить в памяти подробности их разговора.

— ...мы ведь больше не виделись, верно?

— После того раза действительно не виделись, — покладисто кивнул мужчина. — Если вам не нравится обращение «Учитель», я могу звать вас А-Эр.

Он знал это имя.

Внутри А-Эра шевельнулось удивление.

— Неважно, зови как хочешь, — бросил он, мало заботясь о формальностях. — Но как мне называть тебя? Не могу же я вечно величать тебя «Господином Вороном».

Мужчина тихонько рассмеялся, оценив шутку.

— Милое прозвище. Если Учителю так угодно, я не против. Но всё же мне хотелось бы, чтобы вы, как и прежде, звали меня Рэном.

Он выпрямился, и в его глазах блеснул странный огонек.

— Позвольте представиться еще раз. Меня зовут Рэнъя Карасума. Я — лидер той самой Организации, куда вы когда-то внедрились.

Он сидел в глубоком кресле напротив А-Эра, слегка ссутулившись. Его неприметное лицо можно было назвать разве что приятным. От него не исходило ни грозной ауры, ни подавляющего величия; мягкие черты лица и безмятежное выражение делали его похожим на воспитателя в детском саду, скромного флориста или лавочника, раздающего сладости соседской детворе. Ничто в нем не выдавало главу транснационального преступного синдиката, способного одним словом оборвать тысячи жизней.

— А ты смельчак. Или ты просто подставная кукла, которую прислали вести переговоры? — А-Эр прищурился. — Не боишься, что я схвачу тебя прямо сейчас?

— Я бы не посмел лгать вам, Учитель. Пусть я и никчемный калека, но этот синдикат действительно создавался моими руками. Разумеется, в самом начале я был не один — со мной был Сиро. Жаль, что его больше нет в живых.

— Сиро?

«Неужели сюда занесло какого-то поборника справедливости?»

— Ха-ха, вы реагируете точь-в-точь как в прошлые времена. Боюсь, это не тот, о ком вы подумали, — негромко рассмеялся Рэнъя Карасума и продолжил уже совершенно спокойным тоном: — Сиро Куросава. Он был биологическим отцом вашего нынешнего тела. И моим лучшим другом.

Мужчина сделал паузу, любясь эффектом от своих слов.

— Больше двадцати лет назад, чтобы вытащить вас из лаборатории, Дзин — ваш родной брат, ныне известный под кодовым именем Джин, — убил собственного отца. За это он и получил свое имя в Организации.

—... Даже не знаю, что сказать. Мне жаль.

— О, не стоит извиняться. Я был искренне рад за него. По-настоящему счастлив! Он наконец-то вырвался из этого безумного, несправедливого и безнадежного мира. Погибнуть от руки собственного сына... Пожалуй, для человека, который всю жизнь отчаянно искал семейного тепла, это было лучшим исполнением его сокровенного желания.

Обыкновенный, ничем не примечательный немолодой мужчина, каким Рэнъя Карасума казался до этого момента, наконец сорвал маску, обнажив истинное лицо — изъеденное безумием и тьмой.

А-Эр невольно задался вопросом: неужели этот мир действительно состоит исключительно из психопатов, сумасшедших и кучки ни в чем не повинных статистов?

— Вы спросите, почему я безбоязненно явился сюда и пригласил вас на эту дружескую беседу? — его темно-каштановые волосы, придававшие лицу мягкость, заставили его слова прозвучать почти ласково. — В мою грудь вшит особый датчик. Стоит моему сердцу остановиться, как в тот же миг взлетят на воздух торговый центр, парк аттракционов и начальная школа. Думаю, вы не станете так рисковать.

— Ты мне угрожаешь?

— Ну что вы, как вам могло прийти такое в голову? Я просто ужасно боюсь смерти, оттого и привык осторожничать. По той же причине я удерживаю в заложниках родителей, сестер, братьев, возлюбленных и детей тех водителей, которые везли вас сюда. Только зная это, я смог набраться смелости и попросить их доставить вас ко мне.

Рэнъя кротко улыбнулся.

— Разумеется, я понимаю, что для вас этот мир — не более чем увлекательная игра, правила которой вы можете в любой момент переписать или вовсе опрокинуть доску. Поэтому я не требую. Я прошу вас. Умоляю. На коленях заклинаю выслушать меня.

— Хм. Если ты действительно такой трус, тебе вообще не следовало искать со мной встречи.

— Но я так тосковал по вам, Учитель! Каждую ночь, лежа в постели и прокручивая в памяти прошлое, я думал только о вас. Желание увидеть вас стало невыносимым, я просто больше не мог терпеть. И вот я здесь, собрав всю свою скудную смелость ради этой встречи.

Карасума рассыпался в любезностях, то и дело называя себя ничтожеством и изливая душу в любви и преданности. Однако А-Эр чувствовал: с самого начала нить разговора прочно держал его собеседник.

Нужно было перехватить инициативу.

А-Эр сделал глоток вина «Икарос». Он не боялся яда — его тело обладало феноменальной сопротивляемостью к любым токсинам. С другой стороны, обычные лекарства на него тоже почти не действовали, так что любые раны приходилось лечить старой доброй регенерацией. Благо выносливости и живучести ему было не занимать.

Поставив бокал, А-Эр холодно и высокомерно процедил:

— Дрянь. Редкая гадость. Ничего общего с тем вкусом, который мне нравился.

Рэнъя Карасума виновато опустил плечи, на его лице отразилась горькая, заискивающая улыбка.

— Значит, снова мимо... Помню, в баре Организации вы тоже едва притрагивались к бокалу. Ничего страшного, я попробую еще раз. Главное, что эффект мы восстановили. Рано или поздно я воссоздам тот самый вкус специально для вас.

Ему было плевать на власть в этом разговоре. Он вел себя как пес, который сам надел на шею ошейник и протянул поводок хозяину.

Но именно эта покорность злила А-Эра. Ему казалось, будто с ним играют в поддавки, великодушно позволяя капризничать.

Под влиянием своих праведных братьев и сестер из реального мира А-Эр привык общаться с хорошими людьми мягко и вежливо. Даже в компании своих друзей детства, Дзинпэя Мацуды и Кэндзи Хагивары, он никогда не позволял себе грубости, как бы сильно они его ни опекали.

Но с безумцами, соплеменниками из его собственной темной бездны, он церемониться не собирался.

— Сиро Куросава... Ты называешь его лучшим другом и утверждаешь, будто смерть от руки сына была его заветной мечтой. Но сдается мне, ты сам спал и видел его в могиле. Как-никак, он стоял у истоков Организации. Он слишком хорошо знал твое истинное лицо, все твои слабости и уязвимые места. Рано или поздно такой соратник неизбежно превратился бы в угрозу.

На самом деле А-Эр уловил в голосе Карасумы искреннюю скорбь, когда тот говорил о друге. Но он намеренно бил по больному, пытаясь уколоть собеседника, подчинить его своей воле и растоптать его напускное спокойствие.

В словесных дуэлях проигрывает тот, кто первым теряет самообладание.

Однако Карасума остался невозмутим, как живой мертвец.

— Он был моим лучшим другом, — тихо произнес он. — И останется им навсегда. Мы встретились на заброшенном острове, вместе охотились, вместе выживали и росли. Я сам дал ему имя. У него с рождения были удивительные белоснежные волосы, поэтому я назвал его Сиро.

Он поднял пустой взор к потолку.

— В день, когда его не стало, я захлебывался завистью и ревностью. Но в то же время плакал от счастья. Мой дорогой друг... он наконец-то обрел покой. Оставил меня одного в этом проклятом мире. Но я понимаю его как никто другой.

Его голос дрожал от такой глубокой, бездонной тоски, что казалось, само сердце мужчины разрывается на части. Он закрыл лицо ладонями, беззвучно содрогаясь. Но когда он отнял руки и поднял взгляд, на его сухих щеках не было ни слезинки. Только мертвенная, выжженная пустота.

Эта леденящая пустота заставила душу А-Эра дрогнуть. Вся враждебность к этому человеку испарилась без следа.

Он понял: Рэнъя Карасума действительно пригласил его просто поговорить. Словно одинокий старик, жаждущий разделить последние минуты воспоминаний с призраком из далекого прошлого.

— Вы верите в судьбу? — негромко спросил Рэнъя.

— Не знаю, — честно ответил А-Эр.

Внутри него всегда зияла пустота. К большинству вещей в жизни он относился с безразличием, плывя по течению и не имея стержня или великих стремлений.

И он не стал скрывать этого от своего собеседника.

Карасума слабо улыбнулся. В этой улыбке сквозила снисходительность умудренного опытом старца, глядящего на неразумное дитя. В его облике странно переплетались черты юности и глубокой дряхлости; А-Эр то и дело ловил себя на мысли, что не понимает, кто сидит перед ним — полный сил безжалостный деспот или дряхлый старик, одной ногой стоящий в могиле.

— Нет, Учитель. Вы просто слишком одержимы одной единственной целью. Ради нее вы готовы расшибиться в кровь, сгореть дотла, пойти против законов неба и земли, позволить четвертовать себя и развеять прах по ветру — и даже не заметите боли. Это пламя выжигает вас изнутри, не оставляя места ни для чего другого.

Он подался вперед, заглядывая А-Эру в глаза.

— Всё остальное для вас — лишь дорожная пыль под колесами вашей всесокрушающей воли. Вам попросту наплевать.

Карасума говорил с такой уверенностью, будто знал А-Эра лучше, чем тот сам себя.

— А я верю в предначертанное, — тихо продолжил он. — Подобно Эдипу, обреченному на отцеубийство, я встретил вас. И в тот же миг вся моя жизнь покатилась под откос, подчиняясь неумолимому року.

— Звучит паршиво.

В этом А-Эр не обманывался. Он прекрасно знал, насколько невыносимым и деструктивным может быть его характер. Он ломал чужие судьбы и сводил людей с ума. Даже такой преданный друг, как Дзинпэй Мацуда, временами искренне ненавидел его за это.

— Мы с Сиро родились лишь для того, чтобы вскоре оказаться проданными на крошечный, затерянный в океане остров. Там мы жили дикарями, не зная внешнего мира. Если бы не ваша тень, павшая на этот остров, мы бы никогда не открыли глаза. Мы бы выросли, гнули спины на полях, завели семьи и тихо угасли в блаженном неведении. Обычное, глупое человеческое счастье. Но явились вы. И мне пришлось сделать выбор.

— И ты отомстил, — закончил за него А-Эр.

Он уловил знакомый привкус первородной тьмы в исповеди собеседника. А-Эр слишком хорошо помнил это чувство. В своей прошлой жизни, когда его заперли в лаборатории, он устроил кровавую баню, заставив мучителей захлебнуться собственной кровью, пока его не остановил «Главный герой».

Рэнъя усмехнулся.

— Именно так. Мы с Сиро спалили ту деревню дотла. Вас к тому времени уже и след простыл. Думаю, разжигая то пламя, мы втайне надеялись, что вы вернетесь на его свет. Вы ведь так любили огонь... Но шестеренки судьбы уже пришли в движение. Вы не вернулись.

А-Эр промолчал.

— Вы ведь слышали о корабле Тесея?

— Философский парадокс о том, останется ли судно прежним, если заменить в нем каждую доску? — уточнил А-Эр.

— Именно, именно! — Карасума закашлялся. Здоровье явно подводило его, но на бледных губах по-прежнему блуждала улыбка. — Так из чего же состоим мы сами? Из воспоминаний? Души? Программного кода? Плоти и крови?

— Понятия не имею. А ты как думаешь?

А-Эр чувствовал себя глупо, ломая пафос момента шаблонными ответами. Но у него действительно не осталось ни единого воспоминания о связи с этим человеком. Тот говорил о вещах, сокрытых от самого А-Эра за пеленой амнезии. И всё, что ему оставалось в этой затянувшейся исповеди — безмолвно сидеть на месте подобно храмовому идолу, внимая вековой боли своего почитателя.

— Пожалуй, вам виднее, — прошептал Рэнъя. — Ведь для этого мира мы — лишь пустые строчки данных. А вы — единственная подлинная реальность.

А-Эра словно ледяной водой окатило. По спине пробежали крупные мурашки, он замер, уставившись на собеседника широко распахнутыми розовыми глазами.

Этот сумасшедший говорил абсолютно серьезно.

Другие могли счесть А-Эра безумцем с поехавшей крышей, но Рэнъя Карасума искренне верил в свои слова. Он действительно считал себя набором цифрового кода.

Он осознавал себя безликим, ничтожным NPC в чьей-то грандиозной симуляции.

И за этой покорной, вежливой маской А-Эр наконец разглядел то, что таилось на самом дне души собеседника. Бездонную, черную злобу... и лютую ненависть.

— Ты ненавидишь меня, — без обиняков констатировал А-Эр.

Рэнъя горько усмехнулся:

— Да. Ненавижу. Так сильно, что эта злоба выжигает меня до костей. Моя душа давно гниет в преисподней, и мне не нужно спасение. Моя плоть перекроена почти целиком — перед вами лишь кукла, собранная из чужих органов в бесконечных лабораториях ради призрака бессмертия. Я не вижу своего кода, но, кажется, в день нашей встречи мои системные данные просто дали фатальный сбой.

Из его правого глаза выкатилась густая, багровая капля крови и медленно поползла по щеке. Не замечая ее, Карасума продолжал ласково улыбаться.

— Бесчисленными ночами я выл в подушку от этой ярости. Корчился в судорогах, не в силах

сомкнуть глаз. Этот огонь пожирает меня день за днем. И он не угаснет, пока моя плоть окончательно не истлеет, а душу не сожрут черви. Только эта великая ненависть держала меня на плаву всё это время. Только она заставила меня цепляться за жизнь и прийти сюда, чтобы встретиться с вами.

Он подался вперед, лоя ртом воздух:

— Я ненавижу тебя... и люблю. Ненавижу со всепоглощающей страстью любовника и люблю со всей яростью кровного врага. Я ненавижу тебя. Я люблю тебя.

А-Эр замер, лоя ртом воздух. Его тело сотрясала крупная дрожь. Но это был не страх. Это был восторг. Острый, лихорадочный экстаз зародился где-то в глубине мозга и горячей волной хлынул по венам, лишая сил и заставляя колени подкашиваться.

Осознание того, что кто-то преданно, до умопомрачения ненавидит и боготворит его, стало для опустошенного А-Эра самым изысканным, сладким нектаром.

Ему следовало бы ужаснуться, почувствовать вину или раскаяние, как учили благочестивые названные родственники в реальном мире. Ведь это он — пусть и в забытом прошлом — сотворил с этим человеком такое.

Но А-Эр лишь медленно подался вперед и бережно слизнул кровавую слезу с бледной щеки Карасумы.

Но стоило ему отстраниться, как предплечье обожгло резкой болью. Разум мгновенно заволокло мутной пеленой, а комната поплыла перед глазами.

А-Эр тихо охнул и опустил взгляд. Пока он пребывал в дурмане экстаза, Рэнъя улучил момент и вогнал шприц глубоко ему под кожу.

Ноги сделались ватными. А-Эр рухнул на ковер. Сознание стремительно угасало, и последним, что он запомнил перед тем, как окончательно погрузиться в непроглядную тьму, был темный силуэт Карасумы, нависший над ним.

— Отправляйтесь со мной в ад реального мира, Учитель...

<http://bllate.org/book/18335/1760495>